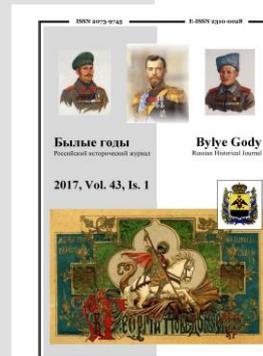

Copyright © 2017 by Sochi State University
Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
Co-publisher in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 43, Is. 1, pp. 94-102, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.1.94
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 (574)

Formation of the Kazakh Employees in the Conditions of Russian Management Military-Administrative Model

Aidar A. Aitmuhambetov ^{a, *}, Ruslan K. Bekmagambetov ^b, Aigul A. Bimoldanova ^c,
Maisara G. Bekmagambetova ^b

^a Kostanay State University A. Baitursynov, Republic of Kazakhstan

^b Kostanay State Pedagogical Institute, Republic of Kazakhstan

^c Abai Kazakh national pedagogical university, Republic of Kazakhstan

Abstract

In article is considered as in the second half of the XIXth century in Kazakhstan professional groups of the Kazakh employees educated according to Russian-educational standards who had essential differences from other representatives of the Kazakh society are actually formed.

Administrative-territorial and social-economic changes in the region persistently dictated need of formation of the specialists demanded by time from the local ethnic environment. The development of state-secular model of education is a consequence of this social factor.

The Kazakh aristocracy was a basis of formation of employees group. It is distinguished several aristocratic clans oriented on innovative perceptions and further incorporation with new structure of management: Seydalin, Dzhanaturin, Temirov, Nuralikhanov, Valikhanov, Ablaykhanov, Taukin, Babadzhanov, Karatayev, Sultangazin and others.

The natives of sultan and other notable surnames of Younger and Central zhuz under the influence of the parents made a conscious choice in benefit of the military schools which educational status defined in prospect their inclusion in the rank military titulatura dominating in empires.

The most of the Kazakh officers graduated from the Omsk and Orenburg military schools. Some Kazakh managers didn't have corresponding military and civil education, but by the nature of a post had military ranks.

In the XIXth century by virtue of the political situation which developed in Kazakhstan national and Russian officials mainly had military ranks. In administrative managerial hierarchy of the Kazakh employees remained the rank titulatura with the corresponding assignment of the military ranks emphasizing recognition of merits by the imperial government.

Keywords: the Russian state, imperial institutes, civil servants, Kazakh officials, military school, the district authority, Kazakh aristocracy, officers – sultans, soldiery ranks, reforms.

1. Введение

Актуальность исследования определяется значимостью изучения складывания системы государственных служащих. В данном ракурсе научный интерес представляет процесс формирования корпуса казахских служащих, их профессиональная, общественная и политическая деятельность в XIX – начале XX века. Принципы и методы подготовки казахских специалистов проходили в условиях трансформации Российского государства. В результате реформ 1860-х годов происходит нивелирование сословных привилегий и трансформирование сословий в классы и профессиональные

* Corresponding author

E-mail addresses: aidar_abaivi4@mail.ru (A.A. Aitmuhambetov), Ruslan_69@mail.ru

(R.K. Bekmagambetov), maisara75@mail.ru (M.G. Bekmagambetova), turpost@list.ru (A.A. Bimoldanova)

группы. Таким образом, во второй половине XIX века в Казахстане фактически формируются профессиональные группы просвещенных по русско-государственным образовательным стандартам казахских служащих, имевших существенные отличия от остальных представителей казахского общества.

Инкорпорирование казахских специалистов в имперскую модель управления, судопроизводства, государственной системы просвещения и медицины предполагало их уравнивание в правах с работниками этих сфер. Таким образом, казахские специалисты официально вводились в группу служащих.

Исследование поставленной проблемы представляет научный интерес в свете современной ситуации формирования корпуса служащих и их задач в эволюции общества и государства.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили ранее малоизученные документы казахстанских и российских архивов (Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Российского Государственного исторического архива города Санкт-Петербурга (РГИА СПб), Государственного архива Оренбургской области (ГАОрО), газеты и журналы. В исследовании применялись материалы официальной статистики. Интересующие нас сведения содержатся в статистических сборниках, сформировавшихся в дореволюционный период по областному принципу. К таковым документам относятся «Адрес-календари» и «Памятные книжки», официально патронированные губернской и областной администрацией. В этих сборниках содержится социально-экономический обзор областей по следующим критериям: история административной единицы, численность населения, анализ инфраструктуры. В материалах статистики имеются данные по городским сословиям – чиновничеству и мещанству. Скрупулезный анализ показателей выявленной документации позволил собрать сведения относительно казахских городских служащих.

Методологической основой исследования являются принципы диалектики и синергетики, а также идеи и концепции ученых, рассматривающих вопросы политической эволюции и социально-экономического развития социума. При написании работы сохранялись принципы историзма, научной объективности и комплексного подхода при изучении проблемы.

Исходя из того, что в основе структурно-функционалистской методологии выступает функционалистская составляющая проведен анализ социальной структуры общества, точнее, связи между элементами и целым. Исходным выступает выяснение связей между структурными единицами и способами их функционирования. Следовательно, определяются области возможных вариантов в социальной структуре объекта исследования. При условии сохранения структурной целостности прогнозируются и научно реализуются возможные и невозможные состояния системы, границы допустимых сочетаний элементов.

Исходная вторая составляющая в структуралистской тенденции в структурно-функционалистской методологии основана на анализе вычленения входящих в состав социальной структуры соотношении между общим и частным (общества, его состояния, классов, социальных слоев), а также единиц (элементов, факторов переменных составных). Определенная тем самым установка исследования послужила исходным пунктом для многостороннего анализа процессов социального изменения динамики казахских служащих Российской империи в рассматриваемый временной исторический период.

Теоретическая исследовательская концепция позволила подойти к изучению формирования казахских служащих Российской империи в XIX – начале XX века как к системе.

Одновременно изучение отдельных аспектов проблемы предполагало применение сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов исследования.

Использование метода системного и комплексного изучения позволило раскрыть объект исследования как образование, характеризующее целостностью и взаимосвязью элементов. Исходя из данного положения, в исследовании рассматривается история формирования и развития категорий казахских служащих как цельной системы. Метод сопоставления фактов и данных извлеченных источников создал возможность систематизировать сведения о конкретных личностях. Использование статистического метода позволило изучить количественную характеристику изменения казахских служащих в указанные хронологические рамки. Данный метод использовался при составлении и сопоставлении качественных характеристик исследуемых групп по таким критериям, как пол, образовательный статус, социально-имущественная характеристика, возраст.

3. Обсуждения

Ученые провели значительную работу по изучению истории формирования корпуса казахских служащих и их общественно-политической деятельности. Однако некоторые проблемы исторической науки изучены недостаточно по причине доминирования идеологической конъюнктуры, затруднявшей достоверность познания истории. В ракурсе проработки данной темы сохраняется актуальность сборника В.В. Васильева (*Васильев, 1896*), изложивший ценные материалы относительно подготовки казахских учащихся в немногочисленных училищах на локальной территории воздействия Оренбургской администрации. Значительный объем информации

содержится в публикациях и сочинениях И. Алтынсарина (Алтынсарин, 1978), Ш. Кудайберды-улы (Кудайберды-улы, 1990), К.А. Жиренчина (Жиренчин, 1996), Х.М. Абжанова (Абжанов, 2005).

Анализ состояния изученности проблем истории формирования и деятельности казахских служащих свидетельствует о необходимости дальнейших исследований ученых с целью освещения следующих малоизученных вопросов:

во-первых, комплексной характеристике казахского студенчества в высших учебных заведениях по социально-имущественному, финансовому статусу, качеству обучения и специализации;

во-вторых, профессиональной деятельности и общественной работы казахских военных, служащих администрации и социальной сферы.

4. Результаты

Административно-территориальные реформы и социально-экономические новации периода XIX века и последующих времен способствовали структурным преобразованиям казахского общества. У казахского народа формируются другие представления о сути и устройстве государства и формах служения. Кочевая государственность с присущими ей институтами и формами общественного устройства вытесняется в сознании казахской общины жестко централизованной и вертикально регламентируемой моделью управления. Представители казахской аристократии и других правящих групп осознавали сложившиеся реалии как неизбежный феномен, катализирующий их последующий алгоритм действий с целью сохранения социальной значимости.

Объективно происходит медленное формирование нового стереотипа поведения прежде всего у данной категории казахов. Власти, заинтересованные в дальнейшем усилении присутствия имперских институтов, активизировали процесс инкорпорирования казахов в общественно-государственные процессы, прежде всего, включения национальной знати в административные круги. Участие казахов в местном управлении логично предполагало формирование категорий служащих с различными функциональными обязанностями. Национальные традиции воспитания препятствовали пополнению низовой администрации представителями аристократических кланов на начальном уровне развития. Данный фактор обусловил приток в край татарских и русских канцеляристов. В перспективе, как явствует из архивных документов, соответствующие звенья восстанавливались казахами из обедневших знатных семей и категории «черной кости». Динамика образования этой группы «белых воротничков» актуализировалась самой природой упорядочивания и разветвления бюрократической системы с целью интенсивного освоения территорий. Военно-полицейский режим управления активизировал поведенческие установки ведущих фамилий. В первой половине XIX века отмечается признание частью султанства присвоения им военных званий как символа подчинения государству. Обратная связь есть суть повышения статусности конкретной династии краевой властью. Таким образом, коррекция стереотипа поведения аристократов гармонично соответствовала их ментально-целевым задачам властного присутствия в обществе.

По справедливой оценке исследователей Х. Абжанова и С. Селиверстова, в период создания конкурентоспособных элементов национальной рыночной экономики начинается процесс «постепенного становления национальных предпринимателей, промышленников, торговцев, коммерсантов, а с другой стороны – национальной интеллигенции слоя наемных работников» (Абжанов, Селиверстов, 2004: 9).

Административно-территориальные и социально-экономические изменения в регионе настойчиво диктовали необходимость формирования востребованных временем специалистов из местной этнической среды. Следствием данного социального фактора является развитие государственно-светской модели образования. Процесс адаптирования образовательной сферы к условиям быта и традициям местного населения актуализировал ее реформирование и коррекцию. Подвижные аульные школы и стационарные училища при переселенческих центрах, прежде всего, были рассчитаны на полярные слои казахского общества, находящихся в фазе постепенной социоэтнической маргинализации. Пограничное этнопсихологическое состояние этих категорий – беднейших слоев и теряющей авторитет знати – определенно влияло на их схему действий в выборе жизненных ориентиров и достижения благополучия. Этот исторический период поведения и сознания данных групп общества.

В Российской империи исторически практиковалась процедура встреч императора с подданными. Такие встречи проходили в различных форматах. Одним из наглядно-эффективных методов воздействия на массы оставалась процедура отправки депутатических миссий к императорскому дому от различных социальных и национальных групп. Периодически казахские депутации выезжали на встречу с императором. Как правило, такие встречи проходили по случаю особых торжественных событий. В 1876 году подобная миссия была отправлена от казахов западных регионов (Хроника, 1892: 13). В 1881 году казахская делегация отправилась в Санкт-Петербург по поводу кончины императора. В состав делегации входили помощники уездных начальников Уральской области Иржан Чулаков и Мухамеджан Сарыходжин.

Впоследствии эти два делегата вновь посетили Санкт-Петербург по случаю коронации его Императорского Величества. Иржан Чулаков был кавалером ордена Святого Великомученика Георгия Победоносца. Этой награды он удостоился за участие в Хивинском походе генерала

Веревкина. Помимо указанных представителей в состав делегации входил уроженец Гурьевского и Эмбенского уездов Даулет Яунгаров. Комиссия состояла из казахских чиновников. Таким образом, вполне осознанно происходило формирование новых стандартов подбора и состава комиссий, которые контролировались царской администрацией. Определенно соответствующая процедура оказывала информационное влияние на казахскую общественность.

Итак, в XIX веке сохранялась процедура депутатских миссий от казахских родовых подразделений к имперскому двору. В ракурсе доминирования патронально-вассальных отношений приходит постепенное изменение депутатского состава делегаций. Депутатский состав формировался под влиянием властей и в определенной мере состоял из официальных лиц, состоявших на государственной службе.

В критические исторические моменты актуализировалась проблема сохранения внутренней стабилизации в империи. Правительственные круги мобилизовывали имеющиеся ресурсы на достижение поставленной цели. В 1856 году продолжалась Крымская война закончившаяся поражением для Российской империи. Российская общественность консолидировалась под идеологическими лозунгами защиты национальных интересов. Характерно, что именно в это время в Казахстане награждается большая группа казахов Букеевской Орды за усердную службу. В числе награжденных числились султан Мухамедгали Касымов, тархан Ходжабеков, старшины В. Бикмухамедов, Я. Нермухамедов, Б. Дюйсенбаев, Ч. Байбуканов. Данные администраторы повышались по службе и награждались золотыми медалями на Владимирской ленте и серебряными медалями на Аннинской ленте ([Санкт-Петербургские ведомости, 1856](#)). Очевидно, данная кампания символизировала стремление имперского дома к демонстрации сохранения единства территории и общественного согласия в границах империи. Синхронно в этот период по Высочайшему указу от 16 июня 1856 года паж 1-го класса Султан Губайдула Джангир Букеев был пожалован в камер-пажи императорского двора ([Санкт-Петербургские сенатские ведомости, 1856](#)). Семейство Букеевых отличалось родовитостью и заслуженным авторитетом в западных территориях Казахстана. При российском императорском дворе продолжалась традиция пребывания при коронованных особах представителей национальных и сословных групп. Повышение в чине Букеева возвышало статус его семьи и в очередной раз демонстрировало стремление власти показать свою силу и величие в общественном сознании казахов.

Казахская аристократия являлась основой формирования группы служащих. На территории степных областей во второй половине XIX века сохранялась доминанта султанских фамилий, члены которых были связаны узами кровного родства и семейной взаимопомощи. В последующем в процессе имущественного разорения султаны, прежде всего, стремились к сохранению прежней статусности посредством слияния с государственной властью. На территории проживания казахов выделяется несколько аристократических кланов, ориентированных на инновационные восприятия и дальнейшее инкорпорирование с новой структурой управления. Значимость фамилий Сейдалиных, Джантуриных, Темировых, Нуралихановых, Валихановых, Аблайхановых, Таукиных, Бабаджановых, Каратаевых, Султангазиных и ряда других активно поддерживалась их представителями из поколения в поколение. Традиции их лидирующего влияния закладывались с периода начала XIX века. Политическая ориентация указанных династий четко проявилась в данный хронологический период. По сути, поляризация общественного мнения балансировала между признанием имперского господства с реальной утерей былой государственности или отрицанием момента включения в империю при полной мобилизации имеющихся средств для защиты интересов. Метода толерантно-терпимого отношения к продвижению европейски-централизованных форм управления базировалась на возможно быстром усвоении казахскими интеллигентами всех составляющих потенциала империи. Алгоритм действий этой группы султанов носил схематичный характер, который формировался с учетом складывавшихся обстоятельств. Политическое будущее этих кланов во многом зависело от активности их представителей на начальной стадии развития, избоблюющей неизвестностью и непредвиденными сложностями.

В реализации указанной долгосрочной задачи акцентировалась проблема включения представителей этих семей в управленческие звенья. Реальным критерием акклиматизации знатных выходцев в новой сфере являлись соответствующие образовательные стандарты военных училищ, предназначенных для подготовки военных специалистов. Первоначально, представители знатных фамилий не желали отдавать своих детей на обучение в кадетские корпуса, опасаясь за их дальнейшее будущее. Только личное давление хана Внутренней Орды Джангира оказало положительное влияние на решение местных аристократов, впоследствии ориентированных на Оренбургский кадетский корпус. По воспоминаниям Сейдалина 2-го, закончившего Оренбургский кадетский корпус в 1855 году, в области существовали негативные предубеждения относительно эффективности работы этого учреждения: «Нужно ли говорить, что с первого же момента переступления мною порога корпуса пришлось мне убедиться во всей нелепости ходивших о нем рассказов в степи, с одной стороны и ободряющий вид развившихся повсюду кругом меня сверстников – сразу расположили меня к так пугавшему корпусу» ([Оренбургский кадетский корпус, 1896: 7](#)). Впоследствии представители знати изменили свои суждения о значимости корпуса в обучении их сыновей. Образование в этом корпусе получили представители известных фамилий:

А. Букейханов, М. Бабаджанов, З. Нуралиханов, М. Бекмухамедов, Ш. Шигаев, С. Шигаев, Х. Бабаджанов, Б. Букейханов, М. Чукин, М. Джантурин, С. Чалабаев, А. Сейдалин, Т. Сейдалин, Т. Джаныбеков, Д. Айчуваков, А. Айчуваков, А. Нурепин, С. Таубаев, М. Бештжанов (*Оренбургский кадетский корпус, 1896: 13*). Подобная схема наблюдалась в действиях казахской знати северных областей, чьи представители учились в Омском кадетском корпусе. В первой половине XIX века выходцы обозначенных фамилий составили костяк казахского кадетства военных корпусов.

Таким образом, выходцы из султанских и других знатных фамилий Младшего и Среднего жузов под влиянием своих родителей сделали осознанный выбор в пользу кадетских корпусов, образовательный статус которых определил в перспективе их включение в доминировавшую в империи ранговую военную титулатуру.

Помимо заявленных выше казахских военных следует отметить группу казахских кадетов, служивших в военных подразделениях. Так, Джангиров Искандер Батыршин начинал военную карьеру прапорщиком Оренбургского линейного 1-го батальона. В этой же войсковой части служил прапорщик Султан-Мухаммед Бекжанов (*Справочная книжка, 1870: 84*).

Некоторые представители казахского кадетства предпринимали попытки к службе в действующую армию. В частности, сын выпускника Оренбургского корпуса Мухаммеда Джантурина Гумар Джантурин обращался с просьбой откомандирования его в действующие войска. Ранее он обучался в кадетском корпусе, но в возрасте 16 лет оставил учебу по состоянию здоровья (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 260. Л. 23*).

Большинство казахских офицеров не принимали участия в военно-полевой службе. Ареал деятельности казахских офицеров ограничивался Степными областями и близлежащей зоной Сибири и Поволжья. Потенциальные возможности этих военных эффективно применялись в административной сфере.

Бесспорно, европейски подготовленные офицеры составляли конкуренцию местным феодалам. Спектр деятельности офицеров, начинавших карьеру в звании ротмистров и поручиков, оказался разнообразным. Первоначально в их компетенцию входила доставка корреспонденции, сопровождение грузов, посредническая миссия с казахскими родами и приграничным среднеазиатским населением. Лишь единицы офицеров продолжали свою службу за пределами родовой территории. Именно эти военные сделали прекрасную карьеру, впоследствии протезируя казахское студенчество Москвы и Санкт-Петербурга. По существу просвещенные военные являлись носителями локально-территориальных интересов населения на уровне волости и уездов. Пожалуй, круг интересов и знакомств столичных казахских военных оказался достаточно обширен. В научных источниках не встречаются сведения о длительном проживании казахских офицеров степных областей в административных городах Сибири и Приуральско-Поволжского региона. Имперская кадровая политика акцентировала участие офицеров в зоне концентрации казахского населения, проживавшего в провинции.

Из числа султанов, окончивших Оренбургский корпус, известен Альмухаммед Сейдалин. Он был выходцем из обедневшей султанской семьи и не видел иной альтернативы получению престижного образования, что позволило бы ему занять достойное положение в обществе. Сейдалин являлся одним из немногих казахских офицеров, начавших военную карьеру в действующей армии. Обычно офицеры из числа казахов начинали службу в административном аппарате. В дальнейшем военно-полевая карьера Сейдалина пресекалась. Власти использовали его на гражданской службе. Из ведения Военного ведомства он переводится в подчинение Министерства юстиции. По всей видимости, это объяснялось нехваткой чиновников-делопроизводителей. По законодательству государственный судья обязан был иметь соответствующее рангу высшее или среднее образование. По рекомендации начальства Сейдалин вполне подходил на судейскую должность как хороший специалист по судебным разбирательствам между казахами (*ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 764. Л. 3*). На территории Тургайской области Сейдалин выполнял обязанности уездного судьи Иргизского, а чуть позже Николаевского уездов (*РГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 37347. Л. 9*). Солидная научная образовательная база, заложенная в годы обучения в корпусе и длительная чиновничья практика, вероятно, стали хорошей основой для его деятельности на новом поприще. Альмухаммед Сейдалин, будучи майором, выполнял обязанности письмоводителя при уездном управлении. В этот период А. Сейдалин состоял в должности уездного судьи. Дефицит национальных служащих продолжал сохраняться на всех уровнях чиновничьей вертикали.

Как правило, согласно положению, обязанности уездного начальника выполняли назначаемые правительством русские офицеры. В 1870-е годы подполковник султан Джигангеров действовал в качестве помощника Тургайского уездного начальника. Казахские военные администраторы, обладая высокими офицерскими званиями, ограничивались властями уровнем уездной администрации. В категории казахских служащих действовали чиновники, не имевшие кадетского образования. Соответствующие чиновники в силу занимаемой должности имели казачьи военные звания. Функциональные обязанности помощников уездных начальников северо-западного Казахстана фактически были идентичны, при этом военные звания офицеров-султанов варьировались. Так, в должности младшего помощника уездного начальника Букеевской Орды состоял есаул султан Арунгазиев, а в должности младшего помощника уездного начальника Николаевского уезда

Тургайской области находился Бермухаммед Куламбаев ([Справочная книжка, 1870: 66](#)). Характерно, что производственная деятельность султана Арунгазыева проходила в Илецком уезде, где он работал младшим помощником.

Некоторые казахские управленцы не имели соответствующего военного и гражданского образования, но по роду занимаемой должности имели военные звания. В XIX веке в силу сложившейся в Казахстане политической ситуации национальные и русские чиновники в основном имели военные звания. В административной управленческой иерархии казахских служащих сохранялась ранговая титулатура с соответствующим присвоением военных званий, подчеркивавших признание заслуг имперским правительством. Во второй половине XIX века повышается в звании начальник дистанции Сулейман Джигангеров и управляющий родоплеменным подразделением Казбек Чегенев за производственную деятельность с присвоением чинов соответственно есаула и хорунжего ([Справочная книжка, 1868: 1](#)). Ареал деятельности Казбека Чегенева сохранялся в районе между реками Тургай и Тобол. Авторитет К. Чегенева формировался его генеалогическим прошлым взаимосвязи с историческими лидерами и личными качествами, предопределившими его бийское звание. Личное состояние Чегенева оценивалось в 200 лошадей, 20 верблюдов и 300 баранов ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 62](#)). Статусность казахских военных поддерживалась занимаемыми ими должностями.

В Западном Казахстане концентрировались Уральское и Оренбургское казачество. В иерархии управления преобладала военизированная модель отношений. Казахский административный корпус на протяжении значительного времени состоял из чиновников с военными званиями. С 1841 года с должности помощника султана-правителя Восточной части Орды начинается карьера султана Мухаммеда Джантурина. С середины 1840-х годов он состоял в звании сотника, полученного за найм верблюдов для военно-транспортных служб. В 1859 году он получил звание есаула. На момент назначения в 1861 году на должность султана-правителя Восточной части он имел звание войскового старшины ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 259. Л. 10](#)). Через 9-лет М. Джантурин числился в звании полковника.

В областном правлении действовали зауряд-хорунжий Миргалий Бахтияров, зауряд-хорунжий Тохтамыс Косваков. В этом же управлении обязанности младшего чиновника при военном губернаторе выполнял войсковой старшина султан Сейтхан Ахмедович Джантурин ([Справочная книжка, 1868: 50](#)).

В 1860-е гг. успешно складывалась карьера в Тургайской области выпускника Оренбургского кадетского корпуса Искандера Бабина, начинавшего в звании сотника ([Адрес-календарь, 1868: 50](#)). На казахских офицеров возлагались юридические функции. Обязанности младшего помощника начальника Уральского уезда возлагались на хорунжего Чулака Айбасова ([Адрес-календарь, 1899: 101](#)). В первой четверти второй половины XIX века корпус казахских переводчиков формировался также служащими с военными званиями. В частности, переводчиком при Оренбургской канцелярской палате работал есаул Ельмухамед Ахмедович Куватов ([Справочная книжка, 1867: 29](#)).

На рубеже XIX–XX веков и в последующий период переводчики в значительной массе не имели военных званий и котировались по другим критериям чиновничьего ранжирования. При этом незначительная часть переводчиков сохраняла военные звания. Так, в штате переводчиков областного правления Уральской области состоял есаул Худей Исаков ([Адрес-календарь, 1915: 15](#)). В период XIX–XX веков казахские военные составили значительный слой казахских администраторов, задействованных в зоне степных областей.

В источниках зафиксированы акты неподчинения служащих государственным органам власти. Преступные действия опальных служащих классифицировались по уголовным и политическим мотивам. Так, обвиненный в преступлении хорунжий султан Зулхарнай Нуралыханов лишился звания и чина и ссылался в Вятскую губернию на поселение ([ГАОРО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7202. Л. 66](#)). Служащий Тургайской области сотник Искандер Бабин в 1874 году обвинялся в подстрекательстве казахов против местного управления и за это подвергся высылке за пределы области ([ГАОРО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8388. Л. 10](#)). В процессе усиления доминирующей роли имперской управленческой модели казахские администраторы постепенно теряли неограниченное право легитимного воздействия на казахские родовые подразделения. Другие изученные служащие не прослеживаются в уголовной статистике.

Казахские военные администраторы, задействованные в новой системе управления, содержались за счет государственной казны посредством официально установленного жалования. Финансовое обеспечение чиновника особых поручений С. Джантурина во второй половине XIX века составляло 800 рублей, из которых 533 рублей 34 копейки оставляло жалование; 266 рублей 66 копеек – столовые ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 258. Л. 1](#)). Общая сумма годового оклада судьи Т. Сейдалина в 1890-е годы XIX века составляла 1800 рублей, из которых финансовая сумма жалования – 100 рублей. Т. Сейдалин ушел на пенсию после 43 лет беспорочной службы. Первоначально пенсия Т. Сейдалина начислялась в сумме 285 рублей 90 копеек в год ([ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 258. Л. 12](#)). По мнению местного Тургайского уездного начальства, султан Сейдалин испытывал затруднение в материальном обеспечении. Впоследствии по ходатайству уездного начальника К. Молчанова Т. Сейдалину начислялась пенсия подобно пенсии султанов правителей по высшему окладу согласно 125 статье

Пенсионного устава. Таким образом, усиленная пенсия Т. Сейдалина по линии МВД составляла 1200 рублей в год.

Престиж военного образования неуклонно снижался в казахской среде. В последней четверти XIX века лишь единицы казахских юношей выбрали военное училище. Так, сын военного А. Сейдалина Жиганшах Сейдалин 2 года учился в Оренбургском кадетском корпусе. Затем он перевелся в местную гимназию. Дети состоявшихся на службе военных в конце XIX века выбирали гражданские учебные заведения. Например, сын З. Нуралиханова учился в гражданской гимназии. Очевидно, данное решение казахских юношей в конце XIX века начало XX века было продиктовано рядом обстоятельств. Во-первых, казахи традиционно не призывались в армию и поэтому лишались возможности карьерного продвижения; во-вторых, со второй половины XIX века казахи получили возможность обучения в гражданских училищах, как например учительские семинарии, гимназии, технические фельдшерские школы и прочие учебные заведения; в-третьих, по окончании этих училищ казахские специалисты получили право реализации своих возможностей в различных сферах.

5. Заключение

Итак, в первой половине XIX века в регионе действовала группа казахских офицеров, подготовленных по государственной модели управления. Казахские юноши получали военное образование в кадетских корпусах. Большинство казахских офицеров закончили Омский и Оренбургский кадетские корпуса. Казахское офицерство характеризовалось немногочисленностью. На наш взгляд это произошло в силу ряда обстоятельств: во-первых, существовала определенная квота, ограничивавшая обучение казахов в этих учебных заведениях; во-вторых, ограничение о поступлении представителями «белой кости» и узкого круга знатных людей; в-третьих, царизм не был заинтересован в увеличении казахского офицерства в силу специфики колониальной политики. Социальную основу казахских военных составили выходцы из аристократических и приближенных им знатных фамилий. Примечательно, что дефицит казахских военных восполнялся людьми с гражданской подготовкой, задействованных в управленческой и переводческой сферах.

Казахские военные принимали участие в военных походах. Таких казахских офицеров по официальным данным было немного. К ним относятся Ч. Валиханов, Г-Б. Валихан, А. Сейдалин и ряд других. Большинство казахских военных оказались заняты на гражданском поприще, выполняя обязанности переводчиков и управленцев. Впоследствии на рубеже XIX–XX веков военное образование утратило свою значимость в казахской среде. Казахские аристократы-управленцы, возведенные в военные чины, согласно правилам военно-гражданской службы полностью попадали в зависимость от имперских административных структур. Таким образом, в XIX – начале XX веков в регионе национальная военная элита характеризовалась офицерской титулатурой от младших воинских чинов до генералов (Алтынбаев и др., 1999: 97). Как правило, указанные личности развивали свою деятельность в пределах своей родовой территории. Административный статус чиновников ограничивался уровнем подчинения в управленческой вертикали представителям руководящего корпуса по линии уездного и областного ранга.

Литература

- Абжанов, 2005 – Абжанов Х.М. Отчеству преданно служить // Казахстанская правда. Алматы, 2005. 24 июня. №4.
- Абжанов, Селиверстов, 2004 – Абжанов Х.М., Селиверстов С. Критическое столетие // Мысль. 2004. №2. С. 7-14
- Адрес-календарь, 1868 – Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1868 г. Оренбург, 1868. 64 с.
- Адрес-календарь, 1915 – Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1915 г. Оренбург, 1915. 15 с.
- Адрес-календарь, 1899 – Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1899 г. Оренбург, 1899.
- Алтынбаев и др., 1999 – Алтынбаев М., Балакаев Т., Белан П., Григорьев В., Козыбаев М., Нурмагамбетов С., Нурпеисов К., Тасбулатов А. Исторический опыт защиты Отечества. Военная история Казахстана. Алматы, 1999. 352 с.
- Алтынсарин, 1978 – Алтынсарин И. // Соч.: в 3-х томах. Алма-Ата: Наука, 1978. Т.3. 252 с.
- Васильев, 1896 – Васильев В.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. 226 с.
- ГАОРО – Государственный архив Оренбургской области
- Жиренчин, 1996 – Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX–XX вв. Алматы, 1996. 242 с.
- Кудайберды-улы, 1990 – Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Династия ханов. Алма-Ата: «Дастан», 1990. 118 с.
- Оренбургский кадетский корпус, 1896 – Оренбургский кадетский корпус, как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург: типолитография Н. Жаринова, 1896. 14 с.

- [РГИА СПб](#) – Российский государственный исторический архив.
[Санкт-Петербургские ведомости, 1856](#) – Санкт-Петербургские ведомости. №55. СПб., 1 июля 1856.
[Санкт-Петербургские сенатские ведомости, 1856](#) – Санкт-Петербургские сенатские ведомости №54. СПб., 5 июля 1856.
[Справочная книжка, 1867](#) – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1867 г. Оренбург, 1868.
[Справочная книжка, 1868](#) – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 г. Оренбург, 1868. 50 с.
[Справочная книжка, 1870](#) – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург, 1870. 84 с.
[Хроника, 1892](#) – Хроника // Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. Омск, 1892. №24. С. 11-15.
[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [Abzhanov, 2005](#) – *Abzhanov H.M.* (2005). Otechestvu predanno sluzhit' [It is devoted to fatherland to serve] // *Kazahstanskaja pravda*. Almaty, 24 ijunja. №4. [In Russian]
[Abzhanov, Seliverstov, 2004](#) – *Abzhanov H.M., Seliverstov S.* (2004). Kriticheskoe stoletie [The critical century]. *Mysl'*. №2. pp. 7-14 [In Russian]
[Adres-kalendar', 1868](#) – Adres-kalendar' i pamjatnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1868 g. [Address calendar and memorable book of the Orenburg province]. Orenburg, 1868. 64 p. [In Russian]
[Adres-kalendar', 1915](#) – Adres-kalendar' i spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1915 g. Orenburg, 1915. 15 p. [In Russian]
[Adres-kalendar', 1899](#) – Adres-kalendar' Orenburgskoj gubernii na 1899. Orenburg, 1899. [In Russian]
[Altynbaev i dr., 1999](#) – *Altynbaev M., Balakaev T., Belan P., Grigor'ev V., Kozybaev M., Nurmagamбетov S., Nurpeisov K., Tasbulatov A.* (1999). Istoricheskij opyt zashhity Otechestva. Voennaja istorija Kazahstana. [The historical experience of defending the homeland. Military history of Kazakhstan]. Almaty. 352 p. [In Russian]
[Altynsarin, 1978](#) – *Altynsarin I.* // Soch.: v 3-h tomah. Alma-Ata: Nauka, 1978. T.3. 252 p. [In Russian]
[Vasil'ev, 1896](#) – *Vasil'ev V.V.* (1896). Istoricheskij ocherk russkogo obrazovanija v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostojanie. [Historical sketch of the Russian education in the Turgai region and his current state]. Orenburg. 226 p. [In Russian]
[GAOrO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region]
[Zhirenchin, 1996](#) – *Zhirenchin K.A.* (1996). Politicheskoe razvitie Kazahstana v XIX–XX vv. [Political development of Kazakhstan in the 19–20 th centuries]. Almaty. 242 p. [In Russian]
[Kudajberdy-uly, 1990](#) – *Kudajberdy-uly Sh.* (1990). Rodoslovnaja tjurkov, kazahov, kirgizov. Dinastii hanov. [Family tree of Turkic peoples, Kazakhs, Kyrgyz. Dynasties of khans]. Alma-Ata: «Dastan». 118 p. [In Russian]
[Orenburgskij kadetskij korpus, 1896](#) – Orenburgskij kadetskij korpus, kak pervoe uchebnoe zavedenie v istorii russkogo obrazovanija kirgizov [The Orenburg military school as the first educational institution in the history of the Russian education of Kyrgyz]. Orenburg: tipolitografija N. Zharinova, 1896. 14 p. [In Russian]
[РГИА СПб](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. [Russian state historical archive]
[Sankt-Peterburgskie ведомости, 1856](#) – Sankt-Peterburgskie ведомости [St. Petersburg sheets]. №55. SPb., 1 ijulja 1856. [In Russian]
[Sankt-Peterburgskie senatskie ведомости, 1856](#) – Sankt-Peterburgskie senatskie ведомости [St. Petersburg senatorial sheets]. №54. SPb., 5 ijulja 1856. [In Russian]
[Spravocnaja knizhka, 1867](#) – Spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1867. [Help book of the Orenburg province] Orenburg, 1868. [In Russian]
[Spravocnaja knizhka, 1868](#) – Spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1868. [Help book of the Orenburg province] Orenburg, 1868. 50 p. [In Russian]
[Spravocnaja knizhka, 1870](#) – Spravocnaja knizhka Orenburgskoj gubernii na 1870 [Help book of the Orenburg province] Orenburg, 1870. 84 p. [In Russian]
[Hronika, 1892](#) – Hronika // Osoboe pribavlenie k Akmolinskim oblastnym vedomostjam. Omsk, 1892. №24. pp. 11-15 [In Russian]
[CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan. [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]

УДК 94 (574)

**Формирование казахских служащих
в условиях военно-административной модели управления России**А.А. Айтмухамбетов^{a, *}, Р.К. Бекмагамбетов^b, А.А. Бимолданова^c, М.Ж. Бекмагамбетова^b^a Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан^b Костанайский государственный педагогический университет, Казахстан^c Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается, как во второй половине XIX века в Казахстане формируются профессиональные группы просвещенных по русско-государственным образовательным стандартам казахских служащих, имевших существенные отличия от остальных представителей казахского общества.

Административно-территориальные и социально-экономические изменения в регионе настойчиво диктовали необходимость формирования востребованных временем специалистов из местной этнической среды. Следствием данного социального фактора является развитие государственно-светской модели образования.

Казахская аристократия являлась основой формирования группы служащих. На территории проживания казахов выделяется несколько аристократических кланов, ориентированных на инновационные восприятия и дальнейшее инкорпорирование с новой структурой управления: Сейдалины, Джантурины, Темировы, Нуралихановы, Валихановы, Аблайхановы, Таукины, Бабаджановы, Каратаевы, Султангазины и другие.

Выходцы из султанских и других знатных фамилий Младшего и Среднего жузов под влиянием своих родителей сделали осознанный выбор в пользу кадетских корпусов, образовательный статус которых определил в перспективе их включение в доминировавшую в империи ранговую военную титулатуру. Большинство из них закончили Омский и Оренбургский кадетские корпуса.

Казахские аристократы-управленцы, возведенные в военные чины, согласно правилам военно-гражданской службы полностью попадали в зависимость от имперских административных структур.

Некоторые казахские управленцы не имели соответствующего военного и гражданского образования, но по роду занимаемой должности имели военные звания. В XIX веке в силу сложившейся в Казахстане политической ситуации национальные и русские чиновники в основном имели военные звания. В административной управленческой иерархии казахских служащих сохранялась ранговая титулатура с соответствующим присвоением военных званий, подчеркивавших признание заслуг имперским правительством.

Ключевые слова: Российское государство, имперские институты, государственные служащие, казахские чиновники, кадетский корпус, уездное начальство, казахская аристократия, офицер-султаны, военные звания, реформы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aidar_abaivi4@mail.ru (А.А. Айтмухамбетов), Ruslan_69@mail.ru

(Р.К. Бекмагамбетов), maisara75@mail.ru (М.Ж. Бекмагамбетова), turpost@list.ru (А.А. Бимолданова)